

звезда

“предпочитаю сниматься сам у себя”

Томми Ли Джонс — Газете

Харизматичный актер, талантливый режиссер и настоящий ковбой Томми Ли Джонс, как и полагается уроженцу Техаса, немногословен. Он удивлен, что его кинодебют «Трое похорон Мелькиадеса Эстрады» отобран в конкурс Каннского фестиваля, но даже это удивление старается скрыть. Антон Долин, встретившись с Томми Ли Джонсом, все-таки попытался вывести всю правду о новейшем фильме.

Вы удивились, когда вас пригласили в конкурс Каннского фестиваля?

Прежде всего был польщен. Это огромная честь. Хотя и сюрприз, признаюсь, тоже.

Как вы учились профессии режиссера? Брали уроки?

Вообще-то не такой я и неопытный, это уже мой второй фильм. Просто первый я делал для телевидения, а не для большого экрана: «Старые добрые парни» по заказу телесети Теда Тернера. Так что в конкурс «Золотой камеры» на лучший дебют меня включили по ошибке — а сейчас, кажется, уже вычеркнули. Хотя я и не знал, что есть такой приз. Как я учился? Я снимался примерно у пятидесяти разных режиссеров и ежедневно внимательно наблюдал за тем, как они работают. Я видел, как они добивались невероятного и как совершали ужасные ошибки: так я научился делать кино. Плюс много читал, а еще у меня архитектурное образование, я занимался историей искусства...

Неужто и архитектура повлияла на этот фильм? В нем нет, кажется, ни одного здания — сплошные прерии и развалины.

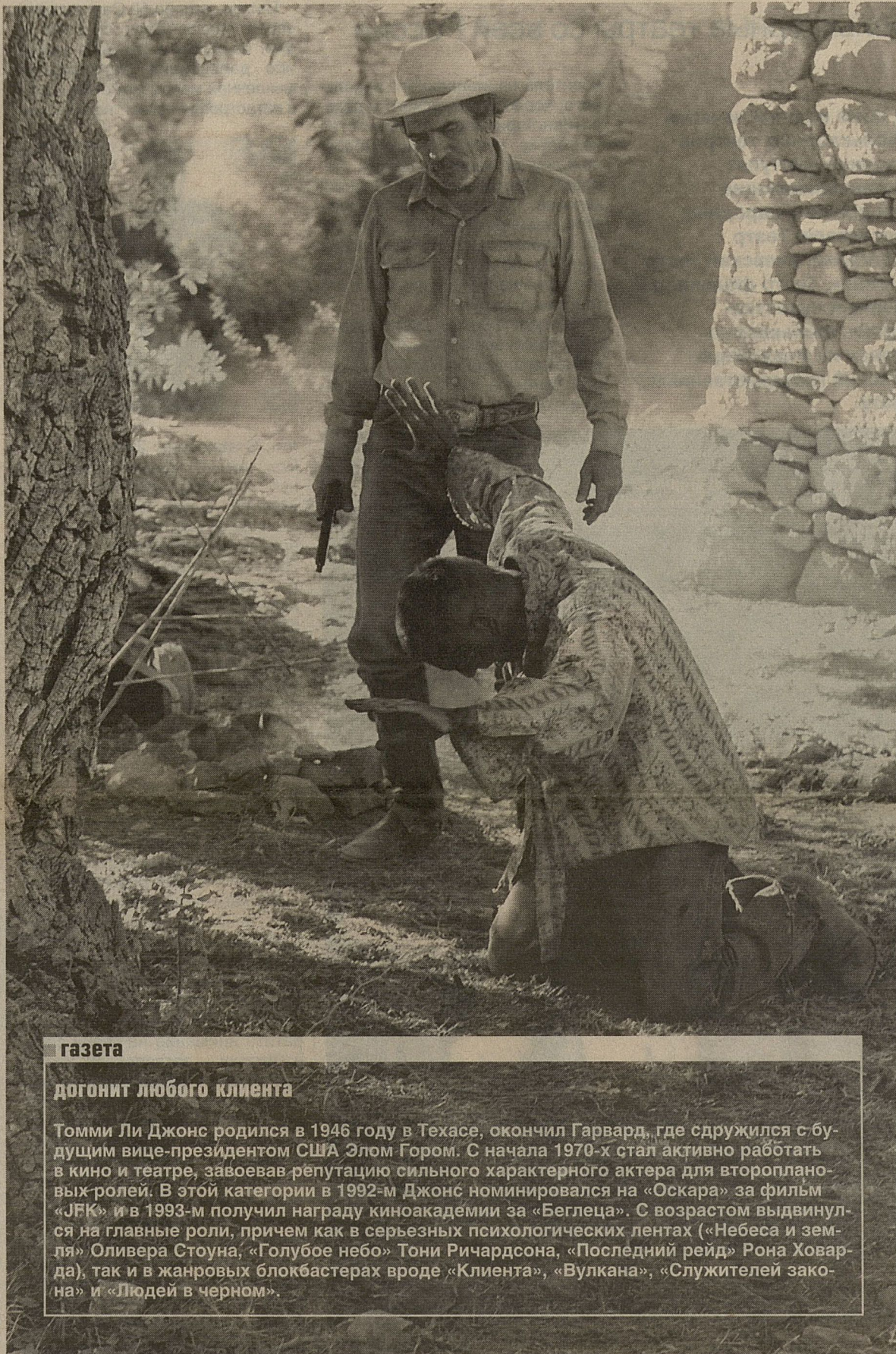
Повлияли художники, писатели, архитекторы тоже. В особенности Дональд Джадд и Дэн Флэвин. Если вы почитаете теоретические работы Флэвина, то поймете, что его философия геометрии, в которую он вкладывает много элегантности и даже страсти, отражена в моем фильме.

А какие фильмы, какие режиссеры на вас повлияли? Классические вестерны, Сэм Пекинпа? Или больше Клинт Иствуд?

Я восхищаюсь Сэмом Пекинпа, а Клинт Иствуд — мой близкий друг. Да и вообще он настоящий герой, стиль которого мне давно нравится. Как режиссер он сделал многое, к чему я только стремлюсь. Но на меня больше повлияли другие. В первую очередь Акира Курогава и Жан Люк Годар. И, конечно, Джон Форд. Пекинпа, Оливер Стоун...

Вы могли бы снять этот же фильм, задействовав кого-то иного вместо себя в главной роли?

Нет, я сразу понял, что никого нет лучше меня на эту роль.

газета

догонит любого клиента

Томми Ли Джонс родился в 1946 году в Техасе, окончил Гарвард, где сдружился с будущим вице-президентом США Элом Гором. С начала 1970-х стал активно работать в кино и театре, завоевав репутацию сильного характерного актера для второплановых ролей. В этой категории в 1992-м Джонс номинировался на «Оскара» за фильм «JFK» и в 1993-м получил награду киноакадемии за «Беглеца». С возрастом выдвинулся на главные роли, причем как в серьезных психологических лентах («Небеса и земля» Оливера Стоуна, «Голубое небо» Тони Ричардсона, «Последний рейд» Рона Ховарда), так и в жанровых блокбастерах вроде «Клиента», «Вулкана», «Служителей закона» и «Людей в черном».

В любом случае я предпочитаю себя.

А играть предпочитаете тоже сами у себя?

Конечно, у себя. Я делаю для себя все, чего от себя хочу.

Это понятно, но не так легко, наверное, совмещать режиссуру и игру?

Надо было всего лишь прочитать сценарий, выучить его наизусть и поставить фильм! Я старался изо всех сил, работал от рассвета до заката. Я здесь и соавтор сценария, и продюсер, и режиссер, и актер. Могу сказать, что, нанимая самого себя на каждую из этих позиций, я облегчал себе задачу в остальных качествах.

Ну, как минимум в написании сценария вам помог один

из самых опытных специалистов — Гильермо Арриага...

О, он просто ангел! Близкий друг, мой давний приятель, талантливый драматург. Мы с ним вместе охотимся.

На охоте и придумали сюжет фильма?

Будете смеяться, но да. Мы давно обдумывали что-то подобное, хотели сделать фильм на определенную тему — о границе. Граница была начальной точкой, с которой мы начали года четыре назад. Тогда ни в чем не повинный молодой парень был по ошибке убит пограничниками и правительство даже не пошевелилось, чтобы как-то расследовать этот случай.

Как вы справились с фирменным стилем Гильермо, в сценариях которого истории

никогда не рассказываются последовательно?

То, как ты рассказываешь историю, — важная часть твоей творческой индивидуальности. Стиль Гильермо очень удобен: ты можешь оперировать прошлым, настоящим и даже будущим как тебе заблагорассудится.

А юмор? История-то трагическая, так ли он был необходим?

Конечно, необходим. Ведь такова жизнь; по меньшей мере я вижу ее именно такой. Юмор — лучшее из средств коммуникации, общения. Мы старались не упускать это из виду.

Наверное, те места, в которых вы живете и, по всей видимости, охотитесь в компании Гильермо Арриаги, по-

влияли на ваш стиль — пейзажи играют в фильме немаловажную роль.

Не могу сказать, что я стремился воспеть природу Техаса. Просто мне хотелось работать в тех местах, которые я знаю как свои пять пальцев. Красота моего края — часть моего воспитания и моей психологии. Но это еще и места, в которых нелегко выжить. Это я тоже старался передать в моем фильме. И снимать там, кстати, нелегко.

Вы нередко снимаетесь в Техасе. Есть тому особые причины или это чистое совпадение?

Любой нормальный человек старается держаться поближе к дому.

Из всех ролей, которые вы сыграли в жизни, у вас есть любимые?

Нет. Честное слово.

А любимый фильм?

Тот, который собрал больше денег.

И какой это был фильм?

Понятия не имею.

Может, лучший еще впереди?

Как мило с вашей стороны это предположить. Буду надеяться, что так и есть.

Мексика обычно представлена в американском кино куда более романтичным образом, чем в «Трех похоронах Мелькиадеса Эстрады»...

Знаете, я не большой поклонник фильмов о Зорро и подобной ерунды. Стереотипы скучны и раздражающи, а порой просто преступны! Меня оскорбляют стереотипы, оскорбляют своей глупостью. Они мешают думать. Надеюсь, что героев моих фильмов зрители будут воспринимать не как жителей Техаса или Мексики, но как обычных людей, которые могли бы жить где угодно.

Вы воспринимаете свой фильм как политическое высказывание об ответственности Америки за то, что происходит в Мексике?

Я привык считать, что каждый вдох и выдох при желании можно считать политическим высказыванием. А фильм будет говорить сам за себя, без моей помощи.

Что, по-вашему, самое важное из того, о чем говорит этот фильм?

Вера. Необходимость верить, даже в тех случаях, когда у веры нет адресата. Об этом — книги самого любимого моего писателя Фланнери О'Коннора. О нем я писал диссертацию, которую защищал в Гарварде, и много раз перечитывал каждую из его книг. Из них я почерпнул очень точное определение: «Вера — это когда ты точно знаешь, что истинно».

Собираетесь продолжать работать как режиссер?

Безусловно. Хоть завтра.

У вас уже есть какой-то проект на уме?

Нет. В этом вся проблема.